

Сектор подготовки

Очередной толчок отдачи отозвался в руке. Из дула со свистом вырвался ослепительно белый луч и молнией вонзился в далекую мишень.

— Тренировка на дистанции двадцать пять метров завершена. Текущий результат: пять очков. Всего попаданий: семь раз по пять очков, четыре раза по шесть.

Под бесстрастный отчет электронного автоматического голоса Хань Цзин опустил световое оружие Р. R. L 612. Разминая онемевшую, ноющую от напряжения ладонь, он вышел из звуконепроницаемой кабины индивидуального тира.

— А ты сегодня рано, — бригадный генерал Чэнь Юй добродушно улыбнулся и похлопал по свободному месту на диване рядом с собой. Заметив бледность на лице Хань Цзина и выступившие на его лбу капли пота, он добавил: — Иди сюда, переведи дух.

— Сейчас, одну минуту, — отозвался Хань Цзин.

Пройдя мимо ряда мягких кожаных диванов, он подошел к стоявшему в углу бесплатному холодильнику, достал две баночки ледяного напитка и лишь после этого сел рядом с приятелем, с которым они познакомились совсем недавно.

— Утро едва началось, а ты уже вовсю палишь по мишеням, — произнес Чэнь Юй, забирая предложенную баночку. Его взгляд был прикован к висящему напротив голографическому экрану, транслировавшему свежий выпуск мировых новостей. — Что, неужели наконец расплатился с долгами по службе? Ты ведь целый месяц из кабинета не вылезал?

— Почти закончил. Вчера вечером отправил итоговый отчет генералу Морису, — ответил Хань Цзин.

Сделав глоток ледяного напитка, он невольно вспомнил, в каком бешеном темпе провел последние недели. Постоянные переработки, бесконечные вычисления координат для Звёздных врат, изнурительные тренировки и освоение незнакомого оружия — все это было обязательным минимумом для того, кто претендует на участие в передовой разведывательной миссии. К счастью, благодаря деятельному участию Мориса, расчеты продвигались на удивление гладко. Хань Цзин порой ловил себя на мысли, не помогает ли им незримая рука ушедших в небытие атлантов. Шутка ли — рассчитать сложнейшую цепочку межзвездных переходов менее чем за два месяца!

— Генерала Мориса вроде бы не было в эти дни на базе? — спросил Чэнь Юй. — Говорили, улетел на всеобщий военный конгресс. Наверное, твой отчет рассмотрят только через пару дней, не раньше?

— Он должен вернуться сегодня, — Хань Цзин слегка прикусил губу.

Глядя на экран новостей, он поймал себя на том, что отчаянно скучает по Морису. За прошедший месяц они заметно сблизились. Морис перестал замыкаться в себе при упоминании Иллюзии Атлантиды, а прошлые выходные они и вовсе провели вместе, наслаждаясь редким покоем.

«А ведь в эти выходные мы должны...»

Хань Цзин принялся мысленно подсчитывать дни, как вдруг Чэнь Юй легонько толкнул его в плечо и указал на экран.

— Глянь-ка! — усмехнулся Чэнь Юй. — А наш генерал Морис чертовски хорош собой, а? Девчонки-репортеры рядом с ним, кажется, сейчас в обморок упадут от восторга.

— Да... он очень красив, — негромко согласился Хань Цзин.

Он заворожено смотрел на экран, где транслировали официальный прием. Морис приковывал к себе все взгляды: длинные золотистые волосы, мягким шелком рассыпавшиеся по плечам, безупречные, словно сошедшие с тончайшего классического рисунка черты лица и врожденная аристократическая грация. В его облике сквозило благородство, способное затмить харизму даже самого популярного кумира вроде Гленна. Особый шарм ему придавал статус генерала — неудивительно, что последние два дня все развлекательные каналы только и делали, что обсуждали его персону.

Хань Цзин вслушивался в этот знакомый, чистый и холодный, словно ледниковая вода, голос, когда на его левом запястье мягко замигал синий индикатор коммуникатора. Бросив быстрый взгляд на экран прибора, он поднялся и поспешил в безлюдный угол коридора.

— Это я, — раздался в динамике невозмутимый, прохладный голос.

— Когда ты вернулся? — поспешно спросил Хань Цзин, чувствуя, как внутри приятно екнуло.

— Только что, — так же ровно ответил Морис. — Ты где?

— В секторе подготовки. Ты ведь получил мой вчерашний отчет?

— Да, я ознакомился с ним. Нам нужно обсудить несколько моментов с глазу на глаз.

— М-м... скоро обеденный перерыв. Ты не очень занят? Может, встретимся в «Нерее»?

На том конце провода повисла короткая пауза. Морис, судя по шороху, сверялся со своим расписанием на день.

— Хорошо, — наконец произнес он. — Сегодня пятница, неотложных дел осталось немного.

— Отлично, ведь завтра уже выходные, — улыбнулся Хань Цзин, не в силах сдержать радость в голосе. — Тогда жду тебя на нашем обычном месте, Морис.

Ресторан «Нерей»

Коралловый ярус ресторана «Нерей» был разделен перегородками из матовых кристаллов Туаой, которые создавали уютные полузакрытые кабины для уединенных встреч. Сидя в одной из таких лож, Хань Цзин с удовольствием разглядывал колышущуюся толщу нежно-голубой воды, причудливые веточки алых кораллов и стайки пестрых глубоководных рыбок. Настроение у него было превосходное, и с лица не сходила легкая улыбка.

Спустя некоторое время в ложу вошел Морис. Строгий военный мундир сидел на нем безупречно. Он выглядел столь же статно и мужественно, как и на экране, разве что немного осунулся, а его взгляд оставался прежним — холодным и пронзительным.

— Я уже заказал легкий салат, фуа-гра и восточный тофу «Нефритовая яшма», — Хань Цзин коснулся сенсорного меню над столом и тепло улыбнулся. — Хочешь взять что-нибудь еще? Мне кажется, в последнее время у тебя совсем пропал аппетит.

— Этого достаточно, я уже немного перекусил, — Морис снял форменный китель и заказал стакан ледяной воды.

— Ты ведь не принимал содиум?

— Нет... — под пристальным, пронизательным взглядом Хань Цзина лицо генерала слегка натянулось. В его холодных глазах промелькнула тень замешательства и глухого раздражения, и он поспешно отвел взор.

— Вот и славно, — с облегчением выдохнул Хань Цзин.

С сочувствием глядя на утомленное лицо своего спутника, он мягко накрыл своей ладонью его руку.

— Морис, я записал тебя на прием к доктору Мишелю...

— Что?! — Морис резко нахмурился, ожёг Хань Цзина ледяным взглядом и выдернул ладонь.

— Я знал, что ты начнешь злиться, — мягко, стараясь сгладить острые углы, продолжил Хань Цзин. — Но твоё самочувствие не улучшается. Тебе становится только хуже. Я ведь знаю, что каждое утро ты запираешься в ванной, чтобы я не видел, как тебе плохо. Ты, может, и не замечаешь сам, но ты сильно побледнел и осунулся.

— Я не собираюсь давить на тебя. Пока это лишь компьютерная диагностика. Идти туда или нет — решишь сам.

В этот момент автоматическая сервировочная лента доставила первые блюда. Хань Цзин переставил тарелку с нежным крабовым мясом поближе к генералу. Лицо Мориса мгновенно исказилось от подступившей дурноты. Он судорожно стиснул зубы и отвернулся, не в силах выносить даже вида еды.

— Ну и зачем продолжать эти бессмысленные мучения? Сколько можно пересиливать себя? — Хань Цзин намеренно проигнорировал вспышку гнева, беспокоясь лишь о его здоровье.

Он убрал тарелку обратно на конвейер, и система утилизации мгновенно забрала блюдо. Лишь тогда Морис начал понемногу приходить в себя, хотя уловимый в воздухе тонкий рыбный запах все еще вызывал у него глухие позывы к тошноте. Он понимал, что бесконечно оттягивать визит к врачу не получится, однако бесцеремонная забота Хань Цзина больно задевала его непомерную гордость, раздувая угли затаенного гнева.

Сделав суровое лицо, Морис достал из папки распечатанный документ и резко опустил его на стол перед Хань Цзином.

— У меня возник ряд серьезных вопросов к твоему вчерашнему отчету, — заговорил он подчеркнуто жестким, начальственным тоном, словно устраивая подчиненному строгий допрос.

Хань Цзин подробно отвечал на замечания, едва сдерживая мысленную усмешку. Стоило ли поздравить себя? Морис, всегда славившийся своей железной дисциплиной и умением оставлять чувства за порогом кабинета, сейчас явно терял привычное самообладание в его присутствии.

— Ты уходишь? — спросил Хань Цзин, когда Морис, едва закончив обсуждение рабочих вопросов, взял свой серо-синий китель и демонстративно поднялся со стула.

Хань Цзин мгновенно преградил ему путь, крепко перехватив его за запястье.

— Не сердись. Я ведь действительно переживаю за тебя.

В голосе Хань Цзина сквозила такая неприкрытая, нежная забота, словно он уговаривал капризного любовника. Морис недовольно свел брови к переносице и, сверкнув глазами-лезвиями, процедил:

— Пусти.

— Ты действительно сердишься, Морис? — Хань Цзин замер, вглядываясь в лицо генерала, чья вечная ледяная броня дала ощутимую трещину. Сердце Хань Цзина забилось чаще.

«Я? Злюсь? Быть не может...»

Эта мысль пулей пронеслась в голове Мориса, заставив его опешить. На душе поднялось смутное смятение. Он никогда не позволял себе открыто выражать эмоции перед посторонними, привычно пряча любые душевные порывы под маской ледяного равнодушия. Единственным исключением были яростные споры с отцом — человеком, которого он, несмотря на всю обиду, все же признавал единственным по-настоящему близким.

— Спасибо тебе, Морис, — нежно прошептал Хань Цзин.

Он легонько коснулся губами его горячего уха и бережно вложил в ладонь генерала небольшую изящную коробочку.

— С Днем влюбленных.

«День святого Валентина?»

Морис растерялся. Остатки его раздражения рассыпались в прах, уступая место странному, обжигающему жару. Это было не просто накопившееся за два дня разлуки томление — в груди всколыхнулось нечто большее. Когда теплые объятия Хань Цзина сомкнулись на его талии, он не только не отстранился, но и поймал себя на мысли, что это прикосновение стало для него привычным и желанным. Злость окончательно улетучилась, уступая место сладкому трепету. Морис подался вперед, отвечая на поцелуй, и его пальцы сами собой переплелись с пальцами Хань Цзина.

Их поцелуй становился все глубже и настойчивее. Их тела, идеально подходившие друг другу, уже познали сладость близости и теперь жаждали продолжения. Простого ласкового поглаживания, медленно скользящего от лопаток вниз, вдоль позвоночника, хватило, чтобы по телу Мориса пробежала дрожь наслаждения. Почувствовав, как напрягся в его руках генерал, Хань Цзин крепче сжал его ладонь. Сделав глубокий вдох, он с трудом подавил бушующий внутри огонь и мягко, бережно отстранился.

Сердце Мориса совершило безумный кульбит. С трудом вернув ускользящее самообладание, он не смог сразу напустить на себя привычный холодный вид — на его лице отразилось

мимолетное замешательство, и он поспешно отвел взгляд. Лишь спустя мгновение к нему вернулась обычная строгость. Генерал расправил плечи и посмотрел прямо в глаза Хань Цзину своими пронзительными изумрудными глазами.

Против этой привычной неприступности Хань Цзин действовал проверенным оружием — мягкостью. Он ласково улыбнулся, гася чужую строгость безмятежным теплом своего взгляда.

— Завтра День всех влюбленных. Ты наверняка совсем замотался по службе и позабыл о нем?

— Хань Цзин осторожно усадил Мориса обратно в кресло и указал на изящную нежно-сиреневую коробочку. — Ну же, открой. Тебе не интересно, что внутри?

Проведя кончиками пальцев по шероховатому картону упаковки, Морис почувствовал, как последняя капля раздражения растворяется в нахлынувшем тепле. Помедлив секунду, он аккуратно приподнял крышку. На бархатной подложке покоилась пара изящных золотых запонок, украшенных драгоценными камнями — строгий, лаконичный дизайн маскировал их баснословную стоимость.

— Тебе нравится? Надеюсь, мой вкус тебя не разочарует.

— Прекрасный выбор, — Морис не поднимал глаз, скрывая нахлынувшие чувства. — Если бы ты не напомнил, я бы и не вспомнил об этом дне...

Помедлив, он слегка повел бровью и невольно стиснул пальцы.

— А тебе... что нравится тебе?

Генерал вдруг с уколом вины осознал, что совершенно не знает вкусов своего партнера.

Хань Цзин накрыл его ладонь своей и с улыбкой заглянул ему в глаза.

— У меня уже есть самый дорогой подарок в мире. Это ты, Морис.

Эти слова прозвучали бы излишне слащаво из уст любого другого человека, и Морису следовало бы отреагировать привычной сухой колкостью. Но сейчас его сердце отозвалось на это признание глухим, протяжным стуком, словно кто-то легонько постучал в запертую дверь посреди безмолвной ночи.

— Слушай, а давай полетим в Юрику? — мягко предложил Хань Цзин. — Там потрясающие пейзажи и горячие источники. Я уже забронировал билеты и номер в отеле.

«Юрика?»

В душе Мориса снова шевельнулось чувство вины. Он любит бывать на этих курортах, но откуда Хань Цзин об этом узнал? И почему сам Морис до сих пор ничего не сделал для своего спутника? Подавив неловкость, генерал вернул лицу бесстрастное выражение.

— На какое время у тебя билеты? — прохладно спросил он. — Сегодня мы задержимся на базе. Я отдал приказ провести первый пробный запуск Звёздных врат.

— Запуск Звёздных врат? Уже сегодня?! — изумился Хань Цзин.

— Это лишь предварительные испытания. Вряд ли запуск пройдет успешно с первого раза.

— Понятно. В таком случае я изменю бронь. Как насчет пятизвездочного восточного отеля? Я забронирую Горный павильон Юньцин.

Морис согласно кивнул. Хань Цзин бережно взял его за руку и вновь заговорил вкрадчиво, но настойчиво:

— И все-таки, Морис, что ты думаешь насчет доктора Мишеля?

Морис поморщился. После пережитого в Иллюзии Атлантиды у него развилось стойкое неприятие любых медицинских процедур — он категорически не желал показывать кому-либо свои слабости.

Немного подумав, он ответил:

— Во второй половине месяца будет ежегодный плановый медосмотр. Там будет Марко, я обращусь к нему.

— Марко?

— Да, мой лечащий врач.

— Хорошо, я понимаю твою позицию, — Хань Цзин вспомнил записи в личном журнале Мориса, где тот неоднократно упоминал доктора Марко, и решил не давить дальше, проявляя понимание и чуткость к его границам.

Математический центр

К концу обеда стрелки часов приближались к часу дня. Вернувшись в вычислительный центр,

Хань Цзин углубился в математические формулы, перепроверяя спорные участки расчетов с учетом замечаний Мориса. Время пролетело незаметно. Когда его коллеги один за другим покинули кабинет, на коммуникатор пришел вызов от генерала.

— Оставь расчеты и немедленно направляйся в Сектор Звёздных врат, — бесстрастно скомандовал Морис.

— Слушаюсь, — ответил Хань Цзин.

Взглянув на циферблат, он удивился: на часах было уже шесть вечера.

Быстро свернув программы на рабочем терминале, он взял папку с последними вычислениями и невольно бросил взгляд в панорамное окно. Увиденное заставило его замереть в изумлении. Огромный зал Сектора Звёздных врат, раскинувшийся внизу, полностью скрылся из виду. Прозрачные плиты из кристаллов Туаой налились густым, изумрудным цветом, превратившись в монолитную исполинскую заслонку, которая затеняла даже пятисотметровое кольцо врат.

Миновав несколько постов идентификации, Хань Цзин вошел в Сектор Звёздных врат. Внутри вовсю кипела работа: десятки специалистов суетились вокруг колоссальной конструкции, завершая последние приготовления перед запуском.

Морис стоял у пульта управления, подтянут и строг, внимательно выслушивая доклад инженера. Рядом с ним генерал Шерман зычным голосом координировал действия техников. Команда энергетиков вела тонкую настройку шестнадцати мерцающих оранжевым светом энергетических колонн — колоссальных накопителей, задействованных со всей базы. Их пронзительное сияние заливало зал жидким золотом. Потоки чистой энергии, повинаясь неведомым физическим законам, плотными светящимися ручьями стекали к кольцу Звёздных врат.

— Хань Цзин! Иди сюда! — добродушно прищурившись, генерал Шерман помахал рукой застывшему от удивления математику.

— Генерал Шерман! — Хань Цзин быстрым шагом подошел ближе и четко отдал воинское приветствие, краем глаза наблюдая за Морисом.

Морис, не поворачивая головы и сохраняя надменный, холодный вид, продолжал раздавать указания подчиненным. Его голос звучал ровно и сухо.

— Господин генерал, все системы готовы к запуску! Ждем ваших распоряжений! — отрапортовал один из инженеров.

— Всем техническим бригадам покинуть опасную зону. Аварийно-спасательным расчетам — полная готовность, — скомандовал Морис.

Лишь после этого он развернулся к Хань Цзину. В его суровом тоне промелькнули едва заметные мягкие нотки.

— Явился? Стой рядом со мной.

— Есть, господин генерал! — Хань Цзин вновь козырнул. В его темных глазах заплясали искры радости, а на губах заиграла легкая улыбка.

Генерал Шерман перевел взгляд с улыбающегося Хань Цзина на невозмутимого Мориса и понимающе усмехнулся, но промолчал. Почувствовав на себе тяжелый, колющий взор Мориса, старый военный лишь шире улыбнулся и сказал:

— Раз уж все системы в норме, теперь дело за тобой, Хань Цзин!

— Не дави на него, Шерман, — ровным тоном перебил Морис. — Это лишь первая проба. Неудача вполне естественна. Если расчеты верны, я готов предоставить ему несколько лет на дальнейшие исследования.

Опешив от столь категоричного заступничества со стороны вечно требовательного генерала, Шерман на мгновение лишился дара речи, но быстро взял себя в руки. Он ободряюще похлопал Хань Цзина по плечу:

— Что ж, приложи все усилия! Не подведи Мориса, он на тебя всерьез рассчитывает.

— Есть, товарищ генерал! — ответил Хань Цзин. Его сердце учащенно забилось от предвкушения, а взгляд вспыхнул решимостью.

Морис взял протянутые Хань Цзином листы и бегло изучил исправленные формулы. Уточнив несколько критических параметров, он помрачнел и решительно направился к подножию циклопических врат.

Хань Цзин вместе с генералом Шерманом последовал за ним. В трех метрах от основания Звёздных врат он заметил странный полуметровый прибор, очертаниями напоминавший гриб. Его идеально гладкий матовый корпус отливал глубоким черно-синим металлом. Из-за скромных размеров и слепящих потоков энергии, бушующих вокруг, устройство оставалось совершенно незаметным. Раньше, когда Хань Цзин проходил мимо под усиленным конвоем, защитные барьеры из кристаллов Туаой надежно скрывали эту деталь от его взгляда.

«Неужели это и есть тот самый теоретический передатчик? Тот, через который данные моих расчетов должны поступить в управляющие контуры Звёздных врат?»

Хань Цзин с любопытством рассматривал загадочный объект.

«Но на его корпусе нет ни единого интерфейса, ни гравировки, ни индикатора. Словно гладкий, обточенный водой камень... Неужели это действительно он?»

Вопросы в его голове множились, плотные и неразрешимые, как загадка самих исполинских врат перед ними. Звёздные врата возвышались безмолвной черной бездной, жадно и безвозвратно поглощая колоссальные потоки оранжевого света от шестнадцати энергетических колонн. Их иссиня-черная древняя поверхность не отражала ни единого блика, дыша вековым холодом и первозданной тяжестью Вселенной.

<http://bllate.org/book/19677/2006428>